Александр Пученков

«Бунтарь» Ельцин против «гроссмейстера» Горбачёва*

Alexander Puchenkov
(Saint Petersburg State University, Russia)

«Rebel» Yeltsin against «Grandmaster» Gorbachev

DOI:

Распад Советского Союза находится в ряду крупнейших событий отечественной истории. Значимость исчезновения с политической карты мира одной из двух сверхдержав невозможно переоценить. Научное осмысление его причин идёт уже три с половиной десятилетия. Их анализировали такие известные учёные, как А.С. Барсенков, В.В. Калашников, Р.Г. Пихоя, М.Ф. Полынов, В.В. Согрин, З.А. Станкевич, В.А. Тишков, А.В. Шубин, подготовившие интересные и содержательные монографии, основанные на широком круге источников[1]. Среди работ последних лет нельзя не отметить труд Ю.М. Батурина, посвящённый Ново-Огарёвскому процессу, в котором Юрий Михайлович участвовал в качестве эксперта, привлечённого к составлению различных вариантов Союзного договора[2]. Разумеется, появился за это время и ряд конспирологических публикаций[3]. Неизменный интерес к перестройке и её последствиям проявляют зарубежные специалисты[4], чьи исследования иногда переводятся на русский язык[5]. Так, в 2023 г. была издана книга британского историка Владислава Мартиновича Зубока «Коллапс. Гибель Советского Союза», английский текст которой появился двумя годами ранее[6]. Её автор, коренной москвич, начал свою профессиональную деятельность в Институте США и Канады АН СССР, в начале 1990-х гг. эмигрировал в США, а оттуда переехал в Великобританию. Несмотря на это, его монографии, построенные на материалах как российских, так и зарубежных архивов, не раз выходили в России[7]. Обстоятельства последнего десятилетия существования СССР историк изучал 30 лет, обработав за эти годы огромный массив документов и опросив столь разных политических деятелей, как М.С. Горбачёв, Е.К. Лигачёв, А.Н. Яковлев, Д.Т. Язов, О.Д. Бакланов, В.И. Варенников, Л.В. Шебаршин, Б.Д. Панкин, А.С. Черняев, Г.Х. Шахназаров, В.В. Загладин. Широкая эрудиция и глубокие знания Зубока, а также предложенная им оригинальная трактовка происходившего в 1991 г., несомненно, привлекут внимание читателей.

Учёный ярко и выразительно передаёт свои личные впечатления. Утром 19 августа 1991 г. он, будучи ещё советским гражданином, вылетел с семьёй в командировку в США. «Назад в СССР мы так и не попали, – вспоминает Зубок. – Когда мой рейс приземлился в московском Шереметьево 31 декабря 1991 года, лидеры России, Украины, Беларуси и других республик уже распустили Советский Союз, а Горбачёв ушёл в отставку. Тускло освещённый аэропорт Шереметьево-2 казался пустым. Наконец,

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-01095, выполняемый в Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского.

[1] *Зубок В.М.* Коллапс. Гибель Советского Союза / Пер. Т. Алешичевой, А. Кана, Ю. Трепалиной. М.: АСТ, ОГИЗ, 2023. 656 с. (Новый мировой порядок).

кто-то подогнал трап к выходу. Пассажиры с пакетами и сумками спустились по морозу на поле и пошли к основному зданию. Таможенников не было. Не было даже пограничников, чтобы проверить наши паспорта и визы. Странно, что кто-то выдал нам багаж. Новое российское государство казалось страной с незащищёнными границами, без таможенного контроля, с обесцененной валютой и пустыми магазинами. Незыблемые государственные структуры словно испарились. Страна, откуда я уехал всего несколько месяцев назад, в августе, внезапно исчезла» (с. 20–21).

С тех пор историк «давно хотел написать о конце Советского Союза, но считал, что для этого должны пройти время, улечься страсти, уйти предубеждения». Между тем он признаёт: «Я ждал напрасно. Воспоминания о 1991 годе угасали, но мнения и мифы, появившиеся тогда, остались. То, что прежде считалось гипотезой, превратилось в “истину”, незыблемую, как советская государственность до 1991 года. На Западе развал СССР стал восприниматься как нечто предопределённое и неизбежное, слишком очевидное, чтобы нуждаться в дальнейшем изучении» (с. 21).

Сложившиеся «на Западе, на Украине и в Прибалтике, и в либеральных кругах в России концепции о неизбежности распада СССР» Зубок считает ошибочными. По его мнению, «развал СССР не шёл по написанному сценарию», но развивался как «трагедия человеческих надежд, идей, страхов, страстей и непредвиденных событий» (с. 27). Как полагает автор, «для историка этот коллапс – головоломка, которая не совсем складывается». В центре же её – «фигура Горбачёва» (с. 25).

Разумеется, причины распада СССР были сложны и многомерны, но Зубок настаивает на том, что ни одна из них «в отдельности не разрушила бы Советский Союз» (с. 22). Однако национально-сепаратистские движения, ошибочные действия Горбачёва, несостоятельность существовавшей в Советском Союзе экономической модели и разрушительная политика гласности «наложились друг на друга и обернулись катастрофой для советского государства» (с. 22). При этом американский «фактор стал ключевым для формирования поведения советских элит и контрэлит, но уже с конца 1990 года, после того как Советский Союз вошёл в предсмертный кризис». В целом же «в истории гибели СССР внешние движущие силы нужно рассматривать как вторичные по отношению к внутренним» (с. 22–23).

Книга состоит из двух частей, названных «Надежды и амбиции. 1983–1990» и «Упадок и крушение. 1991». Тем самым, отправной точкой рассказа становится политика Ю.В. Андропова, который «реабилитировал идею обновления (или перестройки) и поставил своему преемнику Горбачёву задачу развивать её дальше» (с. 35). Зубок далёк от идеализации Юрия Владимировича и отмечает, что в нём «служение партии и в самом деле всегда брало верх над реформизмом». Он «выступал за контролируемые, консервативные реформы» и лишь *начал* собирать предложения о том, как и в каком направлении предстоит двигаться, поручив своему выдвиженцу Н.И. Рыжкову «наметить путь к экономическим преобразованиям». Характерно, что делалось это в режиме полной секретности, и даже высокопоставленные сотрудники «команды Рыжкова» не знали, над чем они работают и какой цели должны достичь. Собственно, «главным вкладом Андропова в советские реформы стало формирование команды экспертов по экономической реформе в высших структурах власти. Также он привёл в Секретариат и По-

литбюро новых, некоррумпированных и энергичных людей. Им потребовалось ещё два года, чтобы запустить начатые Андроповым преобразования. Главным разработчиком экономических реформ был Рыжков. Но ключевым человеком, которому выпало продолжать политику реформатора из КГБ, стал не он, а Горбачёв» (с. 36–37, 39, 41–42).

Впрочем, и тот, заняв пост генерального секретаря, в 1985–1987 гг. ещё только искал «ключевые рычаги и пружины, которые помогли бы дать советскому обществу и экономике новый динамизм», боясь сформулировать «диагноз экономических и финансовых бед, терзающих Советский Союз». Заседания Политбюро в те годы представляли собой «бесконечные поиски волшебной палочки, которой можно подстегнуть советскую экономику» (с. 48)

Зубок, безусловно, пытается обнаружить логику в поступках своего героя, хотя и вспоминает любимую присказку Михаила Сергеевича, говорившего о себе в третьем лице: «Горбачёва трудно понять» (с. 45). В результате ему так и не удаётся ответить на один из ключевых вопросов книги: «Откуда у Горбачёва возникла идея демократизировать Советский Союз»? Как идеалы демократии и свободы могли увлечь человека с его биографией настолько, что он «решился на масштабную политическую либерализацию одновременно с радикальными экономическими реформами»? Для Зубока это остаётся загадкой. Возможно, образ «демократического социализма» сложился у будущего генерального секретаря ещё в студенческие годы, после бесед в общежитии МГУ с З. Млынаржем, ставшим в 1968 г. активным участником «Пражской весны». Не исключено также, что Горбачёв, издавна, как и его супруга, питавший страсть к теории и философским спорам, мечтал о роли настоящего идеолога, раскрывающего «новое прочтение» марксизма-ленинизма. Работа над программным произведением «Перестройка: новое мышление для нашей страны и для всего мира», адресованным прежде всего зарубежной аудитории, лишь усиливала подобные надежды: «Советский лидер хотел, чтобы его “революция” получила теоретическое и международное значение, как за семь десятилетий до него это удалось сделать Ленину» (с. 62–64).

Если верить Зубоку, начатое Горбачёвым в 1988 г. преобразование институтов власти свидетельствовало о его большой смелости, однако попытка отдать «всю власть Советам» стала «принципиальной политической ошибкой», а возникшая «двухуровневая система советского парламентаризма сделала СССР неуправляемым». Она же «после распада Союза поставила Россию на грань краха, ввергла её в конституционный кризис. Только насильственная отмена горбачёвской системы Советов Борисом Ельциным в октябре 1993 года дала возможность стабилизировать конституционный порядок» (с. 66–67).

По мере осложнения обстановки, как утверждает Зубок, всё резче проявлялись такие черты личности Горбачёва, как феноменальная самоуверенность и привычка не завершать споры конкретным решением, «что создавало видимость поиска консенсуса и оставляло возможность пойти на попятную при слишком активных возражениях». Как ни странно, последний генеральный секретарь даже «гордился этим качеством» (с. 67). Его исключительные способности к маневрированию, неистовая вера в собственную удачу и удивительное умение буквально гипнотизировать оппонентов своими высказываниями были хороши на взлёте, но затем

они же сослужили ему дурную службу. В 1990–1991 гг. природная осторожность и выдержка Горбачёва, избегавшего резких действий, столь характерных для Б.Н. Ельцина, воспринимались уже и элитой, и простыми людьми как нерешительность и неспособность брать на себя ответственность за непопулярные решения.

На этом фоне выигрышно смотрелся второй главный герой книги Зубока: «Ельцина часто видели на волейбольной площадке, а не в библиотеке с трудами Маркса или Ленина. Учёба в Уральском политехническом институте дала Ельцину знания, но культурный кругозор его остался невелик и несравним с московской "шлифовкой" Горбачёва. Ельцин чувствовал себя среди простых людей как рыба в воде и не знал, как вести себя в кругу интеллигенции. Его прямой, суровый и резкий характер был контрастом горбачёвскому южному темпераменту, обходительности и обаянию. Своим возвышением Ельцин был обязан не удачным знакомствам и протекции, а тяжёлой управленческой работе на гигантских промышленных предприятиях Урала. В глубине души он считал, что Горбачёв стоит ниже его по заслугам и не имеет права им командовать. Однако, в отличие от Горбачёва, он плохо ориентировался в бесконечных и запутанных коридорах Старой Площади, где располагался центральный партийный аппарат» (с. 69).

В книге немало сказано о концепции «нового мышления». Во внешней политике Горбачёв «хотел предложить противникам то, что они, по его мнению, не могли отвергнуть – совместное строительство нового миропорядка, основанного на "общих интересах" и "общечеловеческих ценностях". Вместо сталинской политики жёсткого силового реализма и баланса сил советский лидер поставил в основу своей доктрины принцип универсальной морали и призвал идеалистов всех стран объединиться. Своей речью на Генассамблее ООН Горбачёв синхронизировал предложение о перестройке миропорядка с началом экономических и политических реформ в СССР». Одновременно «лидер СССР хотел представить вывод советских войск из Афганистана и Восточной Европы как триумф своих новых принципов, а не как геополитическое отступление или признание советского поражения в холодной войне. Поначалу казалось, что ему сопутствует удача. Речь, встреченная овациями, сделала Горбачёва чрезвычайно популярным в Западной Европе» Однако за триумфом скрывалась фундаментальная хрупкость его позиции (с. 79–80, 84).

Свойственное Горбачёву неприятие насилия как инструмента политики, а также его «боязнь остановить политические реформы на полдороге» (с. 90), лишь затрудняли принятие решений. Когда на окраинах участились национальные конфликты, представители консервативной части государственного аппарата всё чаще призывали Горбачёва применить силу. Однако путь, подобный кровавому подавлению народного выступления на площади Тяньаньмэнь, был для него неприемлем. В 1989 г. он напоминал капитана огромного корабля, внезапно решившего «плыть к далёкой земле обетованной, вопреки настроениям и интуиции своей команды. Ни у кого на судне нет карты, а компас сломан. Всем кажется, что корабль плывёт верным курсом, но на самом деле он давно заблудился и идёт навстречу страшному шторму. Трудностей становится всё больше, и капитан решает, что экипаж саботирует команды и не заслуживает доверия. Поэтому он обращается к пассажирам, волей судьбы оказавшимся на судне, и пред-

лагает совместно обсудить, каким же образом лучше всего достигнуть заветной цели» (с. 99).

Задуманная Горбачёвым и узким кругом его помощников передача полномочий «от Политбюро к Съезду народных депутатов, от местных партийных организаций к местным Советам» привела к непредсказуемым результатам: «Менее чем за два года этот курс дестабилизирует советское государство, разрушит его финансы и сделает отца перестройки “учеником чародея”, неспособным контролировать те громадные силы, которые он выпустил на свободу» (с. 108).

Кульминацией перестройки стали дни работы Первого съезда народных депутатов СССР, продолжавшегося 16 дней. Как вспоминает Зубок, «на это время чуть ли не вся работа в Советском Союзе приостановилась. Миллионы людей собирались у телевизоров, чтобы посмотреть заседания, которые транслировались в прямом эфире и повторялись в записи для десяти часовых поясов». Рекой лились эмоциональные речи. Казалось, что «гнев, память о жестокостях и несправедливостях, десятилетия страха перед государственным террором вырвались наружу» (с. 115). Горбачёву «первоначально помогала его естественная харизма молодого, искренне одержимого благими намерениями лидера. Съезд, однако, сделал политическую власть в СССР прозрачной и свёл её к числу голосов. Тем самым в глазах советских людей власть потеряла свою страшную тайну. На сцену вышли новые харизматичные фигуры – интеллектуалы, юристы и журналисты. Выступления, транслируемые телевидением в реальном времени на всю страну, сделали из них национальных знаменитостей. Горбачёв же с видимым трудом справлялся с непривычной ему ролью парламентского лидера» (с. 116). И хотя «главный бунтарь Ельцин держался в тени и вёл себя на удивление корректно», сторонники демократической оппозиции вскоре объявили о создании Межрегиональной депутатской группы, которая противопоставила себя «агрессивно-послушному» большинству съезда (с. 118).

Многие народные депутаты, получив приглашения, отправлялись за границу, где информировали западное общество о ходе перестройки. Самой известной стала поездка в США в 1989 г. депутата Верховного совета СССР Ельцина. Именно тогда, ошеломлённый ассортиментом товаров в американских супермаркетах, он «обрёл свою миссию – принести “американскую мечту” в Россию» и окончательно отказался от идеи «социализма с человеческим лицом» (с. 128).

К концу года, несмотря на состоявшуюся встречу Горбачёва с Дж. Бушем на Мальте, падение Берлинской стены и фактический крах Организации Варшавского договора, «для советского руководства внутренний кризис затмил внешние события. Горбачёв заявлял за рубежом, что СССР примкнёт к “общеевропейскому дому”, но его ближайшие помощники и советники уже сомневались, уцелеет ли сам Советский Дом» (с. 144).

Между тем в 1990 г., следуя примеру окраинных республик, РСФСР громко заявила о своих правах, и «русский вопрос» стал одним из главных факторов разрушения советской империи. Как пишет Зубок, «злоключения помогли Ельцину принять важное решение – стать российским политиком... Он наконец-то выбрался из тени горбачёвской перестройки. Его риторика была направлена на русских националистов и российских демократов... Феномен Ельцина обрёл новую силу – он стал подлинным претендентом на пустующее место русского царя. Народ прощал своему

герою все его проступки». Многословные объяснения Горбачёва «в отличие от лаконичного популистского стиля Ельцина уже не нравились большинству, которое чувствовало себя обманутым и разочарованным. Большинство русских хотели, чтобы Горбачёв пользовался своими полномочиями, а не передавал их другим; его нежелание использовать власть многим было непонятно, казалось слабостью» (с. 150–151, 155). Его избрание президентом СССР на Внеочередном третьем съезде народных депутатов СССР ничего не изменило, поскольку «уже через несколько дней стало понятно, что дело было не в недостатке власти в руках Горбачёва, а в отсутствии у него ясной цели, для чего эту власть использовать» (с. 158).

Зубок подробно рассматривает работу Первого съезда народных депутатов РСФСР, растянувшуюся на семь недель. Кремль не смог провести своего кандидата на пост председателя Верховного совета РСФСР. Более того, грубое вмешательство Горбачёва, призвавшего депутатов ни в коем случае не поддерживать человека, с которым он никогда не сможет продуктивно работать, привела к противоположному результату: «Некоторые консерваторы, не переносившие на дух советского лидера, стали голосовать за Ельцина» (с. 170) Тот же съезд по инициативе своего председателя принял Декларацию о суверенитете России, после чего «парад суверенитетов» начался и в других республиках.

По сути, «депутаты Съезда РСФСР стали “российской контрэлитой”, агрессивно продвигающей свой проект, конкурирующий с перестройкой Горбачёва. Тогда мало кто понимал, что эти две силы нельзя примирить – чтобы одна могла взять верх, другая должна была уйти со сцены» (с. 173–174). В июле 1990 г. на XXVIII съезде «уральский бунтарь» заявил о выходе из КПСС. «После такого шоу, – констатирует Зубок, – Ельцин превратился в самостоятельного национального лидера» (с. 177). В результате «декларация о российском суверенитете и избрание Ельцина председателем Верховного совета РСФСР закрыли окно возможностей, которое появилось у Горбачёва после назначения президентом СССР. Он не мог аннулировать суверенитет России. Теперь ему предстояло договариваться с российским парламентом» (с. 185).

Попытки наладить сотрудничество выразились в обсуждении программы «500 дней», позволившей перекинуть мостик от президента СССР к председателю Верховного совета РСФСР, который ставил «Россию выше Союза» и думал о том, «как одержать верх над горбачёвским центром». Тем не менее 7 ноября 1990 г. Горбачёв и Ельцин вместе возложили венки к мавзолею Ленина, почтив память основателя советского государства, и на короткое время «зарыли топор войны». Руководя «государством-призраком», не имевшим функционирующей бюрократии, экспертизы, денег и ресурсов, Ельцин мог рассчитывать только на симпатии народа. Однако они с каждым днём значили всё больше (с. 208–209).

К исходу 1990 г. Горбачёв уже едва контролировал процессы, протекавшие в государстве. Он так и не решился ни на начало полномасштабной экономической реформы, ни на жёсткое пресечение сепаратистских движений. И всё же Зубок уверен, что «на протяжении 1990 года Горбачёв не раз получал и упускал шанс вернуть власть – для себя и для центрального государства. Существовало окно возможностей – пусть и мимолётное, чтобы запустить системную рыночную реформу на всю страну при сохранении государственного контроля и с выработкой новых регулирующих

механизмов. Но для этого требовались дальновидность, воля и удача, которых руководству СССР не хватало» (с. 213).

Автор анализирует «правый поворот» Горбачёва, наметившийся к концу 1990 г. К тому времени «обречённая партия» насчитывала 16 млн коммунистов, в огромном комплексе зданий на Старой площади ещё «предлагали посетителям сушки с чаем», но «власть обитателей кабинетов в значительной мере перекочевала в другие институты». Большинство членов Политбюро и секретарей ЦК, избранных на XXVIII съезде КПСС в июле 1990 г., «были новыми и малоизвестными людьми», в массе своей они «переживали кризис идентичности», тогда как «партия, приняв новый устав и программу, превратилась в структуру без власти и стратегии» (с. 215). Горбачёв смутно представлял, куда её дальше вести, понимая, что именно от её судьбы во многом зависело будущее государства, стержнем которого она по-прежнему оставалась. Масштаб кризиса был очевиден уже для всех, хотя «мало кто мог тогда себе представить, что Советскому Союзу не суждено пережить 1991 год» (с. 246).

Беспорядки в Вильнюсе в январе 1991 г. дискредитировали как президента СССР, так и силовиков, от которых он поспешил дистанцироваться. Несмотря на это, «советский руководитель оказался в худшей из возможных ситуаций», даже «западные СМИ забыли, как ещё недавно они восхваляли Горбачёва». Теперь «журналисты отряхнули пыль со старых клише холодной войны» и сравнивали Литву с Венгрией в 1956 г. и Чехословакией в 1968 г., а «на заднем плане замаячили образы китайских танков на площади Тяньаньмэнь в 1989 году» (с. 253). Политику Горбачёва в Прибалтике Зубок называет «катастрофой», противопоставляя ей расчётливые действия Ельцина, по сути, открыто призывавшего к мятежу против «центра», чему сочувствовало в то время, по утверждению историка, «большинство образованных россиян» (с. 256).

Главным событием весны 1991 г., несомненно, стал всесоюзный референдум о сохранении обновлённого Союза ССР. Демократическая оппозиция видела в нём покушение на суверенитет России, но вряд ли смогла бы его сорвать. К тому же «главным проектом Ельцина, как и прежде, было российское президентство», прежде не предусмотренное конституцией. Проведение референдума позволяло решить эту проблему, добавив дополнительный вопрос о введении поста президента РСФСР (с. 262–263).

Голосование дало Горбачёву желаемый результат: свыше 76% его участников высказались «за» сохранение реформируемого Союза. Это приободрило консерваторов, однако на деле, как утверждает автор, «референдум не мог устранить сепаратистских притязаний в республиках». Более того, «почти все республики, участвовавшие в референдуме, провели его по-своему»: «лавина референдумов почти полностью погребла под собой стратегический проект Горбачёва», а «Ельцин и его сторонники получили то, что хотели» (с. 274–275).

«Метания» союзного президента, по мнению Зубока, продолжались до 23 апреля, когда он подписал с лидерами девяти союзных республик «Заявление “9+1”», в котором сделал им серьёзные уступки. Михаил Сергеевич, как обычно, «предпочёл договариваться» и согласился с тем, чтобы в дальнейшем уже «республики, а не центр были основными архитекторами будущего добровольного союза» (с. 281–285). Разумеется, их руководители усмотрели в таком поведении «лидерскую слабость и нерешитель-

ность», и не удивительно, что, «в конечном итоге, Ново-Огарёво стало площадкой, где республиканские правители смогли встречаться и сговариваться за спиной Горбачёва» (с. 287). Вместе с тем именно в эту резиденцию в ближайшие месяцы сместился центр распадавшегося союзного государства.

Ельцин, избранный 12 июня президентом РСФСР, на встречах в Ново-Огарёво «в основном отмалчивался», сохраняя «нарочитую недосказанность в отношении горбачёвского Союзного договора» (с. 298). Победа на выборах принесла ему международное признание, да и сам Горбачёв, присутствовавший на церемонии инаугурации, чувствовал, что «соперник его во всём обошёл» (с. 305). Правда, Борис Николаевич не мог не понимать, что его «новоявленное президентство не подкреплялось государственными рычагами». Ведь «за год с момента провозглашения суверенитета РСФСР российские власти существенно нарушили работу центрального правительства и экономической системы, но при этом не создали собственные эффективные институты, способные заменить центр». Для бюрократии Ельцин оставался «чужаком» (с. 307). Но это не мешало ему вести наступление на позиции Горбачёва.

20 июля президент РСФСР подписал указ о департизации, запрещавший работу партийных ячеек в государственных учреждениях, организациях, концернах и на предприятиях, расположенных на территории республики. Тем самым «указ де-факто уничтожал рычаги КПСС внутри КГБ, армии и других силовых органов» и «разрушал симбиоз между партией и государственным аппаратом». По словам Зубока, «у Ельцина, конечно, не было достаточной власти для реализации этого указа. Однако он хотел впечатлить своих сторонников и весь мир» (с. 310). Горбачёв же оказался перед выбором: «аннулировать указ Ельцина и встать на сторону приверженцев партии либо согласиться с указом и вызвать их мятеж» (с. 310). Не сделав ни того, ни другого, он просто промолчал. 29 июля на закрытой и секретной встрече в Ново-Огарёво президенты РСФСР и Казахской ССР убедили его пойти на уступки, пообещав ему поддержку и пост главы нового конфедеративного Союза, в чём Горбачёв усматривал большой успех. Характеризуя тайную сделку трёх лидеров, «призванную разрушить центральную власть и усилить позиции Ельцина и глав других республик» (с. 348), Зубок констатирует: «Это был конец сверхдержавы. Договор предоставлял каждой республике Союза полный суверенитет, в том числе право устанавливать дипломатические отношения с другими государствами. С точки зрения международного права это был чистый нонсенс. И только Горбачёв, с его безграничной самоуверенностью, мог всерьёз рассчитывать на руинах старого возродить новый действующий союз» (с. 357).

Однако и этот договор, как известно, никогда не был подписан. Вследствие своего природного оптимизма и присущей ему недооценки оппонентов Горбачёв не допускал даже мысли о том, что «члены правительства и люди в его ближайшем окружении могут самостоятельно действовать против него» (с. 363). Между тем отъезд президента СССР на отдых в Крым подтолкнул их выступить против подписания Союзного договора в новоогарёвской редакции. Как пишет Зубок, «это был финал эры Горбачёва – политического кудесника, способного, не падая, балансировать на натянутом канате» (с. 370), а теперь на три дня фактически изолированного вместе с семьёй и охраной на даче в Форосе.

Главной ошибкой путчистов историк считает решение оставить Ельци-

на на свободе (с. 379, 384). По сути же, все предпринятые ими шаги завершались провалом: «Заговорщики достигли результата, предсказать который не мог никто, – полной капитуляции центральных структур исполнительной власти. Бездарно сляпанное чрезвычайное положение предоставило Ельцину, его последователям и союзникам-демократам историческую возможность взять в свои руки рычаги исполнительной власти от имени Горбачёва и во имя конституционного порядка. Немыслимое стало неизбежным. И это означало политическую смерть Советского Союза» (с. 405). Проиграв, члены ГКЧП не придумали ничего лучше, как отправиться в Крым и просить прощения у перепуганного Горбачёва, который предпочёл вылететь в Москву с людьми Ельцина и стать его добровольным «пленником». Из отпуска он вернулся в другую страну, в которой уже не был хозяином.

Выдержав унизительный «допрос» под свист и улюлюканье депутатов на заседании чрезвычайной сессии Верховного совета РСФСР, смирившись с указом Ельцин о запрете коммунистической партии и сложив с себя обязанности генерального секретаря ЦК КПСС, Горбачёв выполнял все требования победителей, опасаясь, что при сопротивлении и его могут объявить «соучастником провалившегося заговора» (с. 418). Несмотря на «сокрушительное политическое поражение», он «всё ещё надеялся на новый Союзный договор, проект, в который, кроме него, уже, кажется, никто больше не верил» (с. 421–422). После путча и последовавшего паралича центральной власти его призрачной опорой служили только «конституционный статус президента СССР, международная слава и страх республик перед полным экономическим крахом. Однако всего за два месяца призрак нового Союза развеется, как короткое московское бабье лето» (с. 443).

Осенью 1991 г. вместе со своей поредевшей командой Горбачёв создавал «иллюзию центра» (с. 496). Последний удар ему нанесли Беловежские соглашения. «Многие годы трое славянских лидеров будут настаивать, что на момент их встречи Советского Союза уже не существовало, – отмечает исследователь. – Но вели они себя так, словно совершали ритуальное убийство» (с. 525). Руководители Украины, Беларуси и России хотели избавиться от опостылевшего начальника в Кремле. «Сам Ельцин, – полагает Зубок, – должно быть, переживал в этот исторический момент огромный эмоциональный конфликт. Русский крестьянский паренёк из уральского села Бутка стал политиком, который распустил империю, собранную Петром Первым и Екатериной Великой и воскрешённую Лениным и Сталиным. Он вычеркнул страну, разгромившую гитлеровские армии, страну, с которой он отождествлял себя до самого недавнего времени. Что почувствуют десятки миллионов людей, которые голосовали за него и суверенитет России, когда узнают, что у них теперь нет общего дома?» (с. 526). Впрочем, желание поскорее занять кремлёвский кабинет Горбачёва перевесило все внутренние сомнения, если таковые у российского президента и возникали (с. 549). Со своей стороны, Михаил Сергеевич тянул до последнего, посвятив несколько дней подготовке прощального телеобращения, которое привело Ельцина в ярость. После этого даже «ядерный чемоданчик», главный атрибут президентской власти, пришлось передавать ему через посредника – министра обороны СССР Е.И. Шапошникова (с. 553).

В Заключении Зубок утверждает, что «СССР пал жертвой “идеального шторма” и нерешительного капитана»,

а реформы, предложенные советским руководством во главе с Горбачёвым, были «фатально устаревшими, ошибочными и привели к разрушению существующей экономики и политического устройства изнутри» (с. 557). При этом «нерешительный капитан» Горбачев, цеплявшийся за «социалистический выбор» и «обновлённый Союз», противопоставляется твёрдому и способному на безоглядный риск Ельцину, наделённому от природы огромным политическим талантом и сильно развитой интуицией. «Уральский бунтарь» переиграл «гроссмейстера номенклатурной политики», который обычно «медлил, искал иллюзорный консенсус, поддавался давлению и часто перекладывал ответственность на других» (с. 563).

Монография В.М. Зубока рассказывает прежде всего о политических лидерах. На её страницах не нашли отражения настроения советских людей, их политические устремления, бытовые затруднения и проч. К сожалению, в этом исследовании народ, являвшийся не только свидетелем, но и вольным или невольным участником распада СССР, «безмолвствует». В тени соперничества Горбачёва и Ельцина оказываются не только события в Тбилиси (1989), Баку (1990) и Вильнюсе (1991), но и пленумы ЦК КПСС и ЦК КП РСФСР и съезды народных депутатов СССР и РСФСР 1989–1991 гг., едва упоминается даже о работе XXVIII съезда КПСС. Больше, вероятно, можно было бы сказать об обстоятельствах избрания Горбачёва на пост президента СССР и организации его Аппарата, о деятельности таких антиподов, как Межрегиональная депутатская группа и фракция «Союз», игравших в то время важную роль. Но не подлежит сомнению, что талантливо написанная книга В.М. Зубока подтолкнёт изучение как этих, так и многих других сюжетов, связанных с историей перестройки и гибели Советского Союза.

Примечания

[1] *Тишков В.А.* Самоубийство Центра и конец Союза (политическая антропология путча) // Советская этнография. 1991. № 6. С. 4–12; *Тишков В.А.* Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 588–600; *Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачёва до Ельцина. М., 1994; *Барсенков А.С.* Реформы Горбачёва и судьба союзного государства. 1985–1991. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001; *Барсенков А.С.* Введение в современную российскую историю. 1985–1991. Курс лекций. М., 2002; *Шубин А.В.* Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005; *Калашников В.В., Узлова И.В.* Первый Президент и первая Дума. СПб., 2016; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти, 1945–1991. М.; Берлин, 2019; *Полынов М.Ф.* СССР от сталинского восстановления к горбачёвской перестройке. Вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг. СПб., 2021; *Станкевич З.А.* Советский Союз: обрыв истории. М., 2016.

[2] *Батурин Ю.М.* Союз (не)возможный. Документированная хроника Новоогарёвского процесса. 1990–1991. М., 2021.

[3] *Фроянов И.Я.* Погружение в бездну. М., 2001; *Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011.

[4] *Brown A.* The Gorbachev factor. Oxford, 1995.

[5] См., в частности: *Коткин С.* Предотвращённый Армагеддон. Распад Советского Союза. 1970–2000. М., 2018; *Таубман У.* Горбачёв. Его жизнь и время. М., 2019.

[6] *Zubok V.M.* Collapse: The Fall of the Soviet Union. New Haven; L., 2021.

[7] *Зубок В.М.* Д.С. Лихачёв в общественной жизни России конца XX века. СПб., 2011; *Зубок В.М.* Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачёва. М., 2016.